

ISSN 1563-0307
Индекс 75875; 25875

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Философия сериясы. Мәдениеттану сериясы. Саясаттану сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия философия. Серия культурология. Серия политология

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

KazNU BULLETIN

Philosophy series. Cultural science series. Political science series

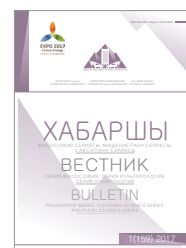
№1 (59)

Алматы
«Қазақ университеті»
2017

ХАБАРШЫ

ФИЛОСОФИЯ СЕРИЯСЫ. МӘДЕНИЕТТАНУ
СЕРИЯСЫ. САЯСАТТАНУ СЕРИЯСЫ. №1 (59)

25.11.1999 ж. Қазақстан Республикасының Мәдениет, ақпарат және қоғамдық келісім министрлігінде тіркелген

Күәлік №956-Ж.

Журнал философия, мәдениеттану және саясаттану ғылымдары бойынша диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған // Докторлық диссертациялардың негізгі қорытындыларын жариялау үшін Қазақстан Жоғары Аттестациялық Комитетімен ұсынылған ғылыми басылымдардың тізіміне кіреді // ЖАК бюллетені, №3, 1998; Нормативтік және методикалық материалдарын жариялайтын ғылыми басылымдар тізімі Қазақстан ЖАК-нің төрағасының бұйрығы 26.06.2003, №433-3 ж. // Нормативтік және методикалық материалдар жинағы №6 ЖАК. – Алматы, 2003

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Борбасова Қ.М.,

филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Телефон: +7701 168 0292

E-mail: karlygash_bm@mail.ru, bm.karlygash@gmail.com

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Масалимова А.Р., филос.ғ.д., профессор – ғылыми редактор (Қазақстан)

Насимова Г.О., саяси ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)

Абдығалиева Г.К., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Алтаев Ж.А., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Асунсьон Лопез-Варела, профессор, Комплутенс университеті (Испания)

Байтенова Н.Ж., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Ғабитов Т.Х., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Ғарифолла Есім, филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Жолдубаева А.К., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Исмағамбетова З.Н., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Каплан С., профессор, Калифорния университеті (АҚШ)

Карабаева А.Г., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Кэтлин Адамс, профессор, Лойола университеті (АҚШ)

Күлсариева А.Т., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Күрманалиева А.Д., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Кайдарова А.С., саяси ғ.д., доцент (Қазақстан)

Нұрышева Г.Ж., филос.ғ.д., профессор (Қазақстан)

Петрик Дж., профессор, Огайо университеті (АҚШ)

Сенгирбай М.Ж., PhD докторы, аға оқытушы (Қазақстан)

Федотов А.В., профессор, София университеті (Болгария)

Финке П., профессор, Цюрих университеті (Швейцария)

КАЗАҚ
УНИВЕРСИТЕТІ
Б А С П А У Й І

Ғылыми басылымдар бөлімінің басшысы

Гульмира Шаккозова

Телефон: +77017242911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева, Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгүл Алдашева

Жазылу мен таратуды үйлестіруші

Мөлдір Әміртайқызы

Телефон: +7(727)377-34-11

E-mail: Moldir.Omirtaikyzy@kaznu.kz

ИБ №

Басуға 12.03.2017 жылы қол қойылды.

Пішімі 60x84 1/8. Көлемі б.т. Офсетті қағаз.

Сандық басылыс. Тапсырыс № . Таралымы 500 дана.

Бағасы келісімді.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің «Қазақ университеті» баспа үйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2017

Жолдубаева А.К.,
Кулумжанов Н.Е.,
Котошева К.К.

**Сакральность пространства:
кочевой опыт**

Феномен пространства как важнейшая категория культуры кочевников обладает особой сакральностью, так как она выражает мировоззренческие мотивы, культурные нормы и ценности. В данной статье была поставлена задача раскрыть сакральность пространства в жизни кочевников, которая является квинтэссенцией их духовного мира. Пространство в данном исследовании рассматривается как категория, выражаемая в реальных фактах и имеющая величину. Специфика мифологического пространства есть специфика мифологии вообще как раннего этапа развития человеческого сознания. Картина мира кочевников имеет ярко выраженный космоцентрический характер. Основу космологической мифологии составляет описание главного параметра вселенной – пространства – как основного условия существования человеческой жизни. Поэтому в этой статье предпринята попытка интерпретации модели космоса, являющегося инструментом понимания культуры кочевников, и, в частности, феномена пространства. Представление пространства у кочевников обладает особой емкостью, так как в нем воедино слились религиозные, экологические, культурные и экономические нормы и ценности. Пространство относится к двум характеристикам физического и духовного бытия человека. Пространственный континуум кочевников выступает одним из ключевых аспектов, позволяющих осмыслить феномен кочевой культуры.

Ключевые слова: сакральность пространства, модель космоса, шанырак, порог.

Joldubaeva A.K.,
Kulumzhanov N.Ye.,
Kotozheva K.K.

Sacredspace: nomadicexperience

The phenomenon of space as the most important category of nomadic culture has a special sacred character, as it expresses ideological motives, cultural norms and values. In this article, the task was set in order to reveal the sacredness of the category of space in the life of nomads, which is the quintessence of their spiritual world. The space- in this study is viewed as a category that is expressed in real facts having a value. Space is a category that is discussed in almost every methodological study but still represents a problem towards the real world. The specificity of the mythological space is the specificity of mythology in general as an early stage in the development of human consciousness. The basis of cosmological mythology is the description of the main parameter of the universe – space – as the basic condition for the existence of human life. Therefore, in this article, an attempt is made to interpret the cosmos model which is an instrument for understanding the culture of nomads and in particular, the phenomenon of space. Representation of space at nomads has special reservoir as in its religious, ecological, cultural, economic specifics of the relevant cultural standards and values. The space belongs to two characteristics of physical and spiritual lives of the person, and the set of space phenomena.

Key words: sacred space, model of the universe, shanyrak, threshold.

Жолдубаева А.К.,
Кулумжанов Н.Е.,
Котошева К.К.

**Кеңістіктің сакралдылығы:
көшпенділердің тәжірибесі**

Кеңістік феномені көшпелілер мәдениетінің маңызды категориясы ретінде айрықша сакралдылыққа ие, өйткені ол дүниетанымдық мотив, мәдени нормалар мен құндылықтарды білдіреді. Мақаланың зерттеу мақсаты: көшпелілер өміріндегі олардың рухани әлемінің квинтэссенциясы болып табылатын кеңістік категориясының сакралдылық мәнін ашу. Аталмыш зерттеуде кеңістік белгілі көлем иеленген, нақтылы фактілер арқылы көрінетін категория ретінде қарастырылады. Мифологиялық кеңістіктің спецификалық ерекшелігі деп жалпы адамзат санасының ерте даму сатысына тән мифологиялық ерекшелікті айтсақ болады. Космологиялық мифологияның негізін ғаламдық кеңістіктің жалпы адамзат тіршілік ету жағдайының басты өлшемі ретіндегі сипаттамасы құрайды. Сондықтан бұл мақалада көшпелілер мәдениетін, атап айтқанда кеңістік феноменін түсінудің құралы болып табылатын ғарыш моделіне түсіндірме беруге талпыныс жасалынады. Көшпелілердің кеңістік түсінігі туралы олардың діни, экологиялық, мәдени, экономикалық нормалары мен құндылықтарында көруге болады. Кеңістік адамның табиғаты бойынша ғарыштан берілген ерекше санаттағы тәндік және рухани болмысына жатады.

Түйін сөздер: кеңістіктің сакралдылығы, ғарыш моделі, шанырак, босаға.

САКРАЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА: КОЧЕВОЙ ОПЫТ

Исследование культуры кочевников, их места в истории человечества в современных условиях приобретает все большую актуальность. Кочевой образ жизни оказал существенное влияние на материальную культуру, духовные ценности и культурные стереотипы, менталитет и психологию местного населения.

Культура кочевников понимается как широкое пространственное явление, которое включает в себя временной аспект, охватывающий историю и предысторию этого феномена. Ядро культуры определяется устойчивыми чертами миропонимания и миропредставления, представляя существование целостности стиля на протяжении многих веков. Сложность и многогранность жизни кочевника отражена в причинно-следственных связях пространственного движения.

Независимость Казахстана способствовала значительному росту интереса казахстанской общественности к истокам своей культуры, и закономерным следствием этого стало принятие государственной программы «Культурное наследие», в рамках которой осуществляется многоцелевое исследование разнообразных аспектов истории и культуры нашей страны.

Актуальность темы статьи заключается в сохранении преемственности отношения к сакральности пространства в культуре кочевников и их потомков, то есть современных казахов. Феномен кочевничества в современности испытывает своего рода ренессанс, что подтверждается многочисленными исследованиями. Духовный опыт кочевников, обладающий общечеловеческой значимостью и ценностью, важен для сохранения духовного пространства национальной культуры. Можно говорить об уникальности феномена кочевья, который не потерялся в истории, и в этом заключается огромный потенциал, огромная сила феномена кочевничества. Номадолог Н.Т. Жуковская в своих работах доказала, что кочевники имели и имеют свою историю и культуру. В работах Н.Н. Крадина и Г.Д. Гачева кочевая культура выступает как своеобразное и маргинальное явление в истории человечества. Философское осмысление кочевой культуры как особого типа в мировой культуре было проведено М.С. Каганом. Вся культура кочевни-

ков была направлена на поддержание гармонического равновесия с природой, подчинение космическим ритмам. Предки современных казахов оставили в наследство потомкам важные для нашей современности установки из универсальных заповедей-законов Космоса-Тэнгри: «Не переступи круг чужой воли!», «Созидай!», «Давай миру больше, чем потребляешь!». Сохранение и передача этих сакральных знаний необходимо нашему молодому государству, чтобы сохранить эту невидимую духовную нить, перекликающуюся с идеями «Мәңгілік ел».

Стержнем социальных отношений кочевников и базовой ценностью мировоззрения являлось родственно-родовое начало, выступавшее основополагающим принципом самоидентификации индивида и с общиной, с территорией как продолжением своего природного бытия. Отсюда следует, что степная культура имела древние традиции и глубокие корни.

Феномен пространства – важнейшая категория культуры, образующая основную систему координат, в рамках которой возникают, функционируют, развиваются мифология, религия, искусство, наука.

В данной статье раскрывается смысл сакральности категории пространства в жизни кочевников.

Культура тюрков появилась на почве древних культурных традиций широкого круга народов Евразии. Эти традиции характеризовались дуалистическим мировоззрением, которое делило весь мир на половины – правую, т.е. мужскую, небесную, главную, верхнюю, белую, восточную и т.д., и левую, женскую, подземную, младшую, нижнюю, черную, западную и т.д. [1, с. 52].

Необходимо отметить, что специфика мифологического пространства и времени есть специфика мифологии вообще как раннего этапа развития человеческого сознания. Поэтому в этой статье предпринята попытка интерпретации модели космоса, являющегося инструментом понимания культуры кочевников, и, в частности, феномена пространства. В основе традиционного мировоззрения кочевников лежит модель социума и космоса, созданного в результате первотворения. В момент первотворения из первозданного хаоса разворачивается структурированный космос. Высшей сакральностью отмечены те точки пространства и времени, где и когда произошло рождение и создание мира [2]. Центром последнего выступает точка соединения миров, точка, находящаяся в

середине космоса, через которую проходит мировая ось.

Кочевые народы освоили огромные пространства, характеризующиеся разнообразием ландшафтов (горные, лесостепные, полупустыни, пустыни), благодаря которым складывались мифологические, этнические, символические образы пространств, формировался механизм постижения и освоения территорий [3]. Собственно, отчет времени начинается с определенного времени года и в мифо-ритуале его связывают с точкой, из которой появляется все сущее. В подтверждение сказанному приведем пример о временной точке в традиционном мировоззрении хунну: «В первой луне нового года старейшины в небольшом числе съезжаются в храм Шаньюевой орде» [4]. Через точку соединения миров, находящейся в середине космоса, проходит мировая ось в различных ее вариантах, как, например, Мировое дерево и др.

В мифологии тюрков-кочевников отражена трехчастность мира. В одном из мифов о сотворении мира говорится: «Когда вверху было сотворено голубое небо, а внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие» [4].

Еще одна легенда как свидетельство существования вышесказанной модели: «На небе есть жители – люди. Они опоясываются под горлом, мы живем в середине на земле и носим пояс на середине тела, люди же подземные, у которых также свое солнце, луна и звезды, носят пояс на ногах» [5]. Верхний мир – небо представлен абсолютным воплощением верха, т.е. семантическими дихотомиями верха и низа [6]. Небо как сакральное пространство в миропонимании кочевников играло важнейшую роль. «По милости неба, ратники были здоровы, кони в силе...», – приводим строки из письма Шаньюя, которые подтверждают вышесказанное [6]. Верхний мир, ассоциируемый с небом, был наделен положительными качествами. Согласно этногенетическому мифу тюрков, Огуз-каган был женат на девушках, одна из которых спустилась с неба.

Срединный мир – земля, считается вторым уровнем вертикального космоса, т.е. серединой между верхом и низом. Пограничное положение земного мира делало его центром космоса, где соответственно проводили ритуалы, гарантирующие сохранность этого порядка. Надо отметить, что земля является местом обитания и проживания людей, и поэтому наиболее доступна для освоения и познания. Согласно традиции, погибшего в бою воина-кочевника должны похоронить в родной земле, или при погребении

должна быть использована хотя бы горсть земли с родных мест. Отсюда следует, что земля, используемая в ритуале погребения, является священной, замкнутой в условных, сакрализованных границах, и рассматривается как место обитания людей, где перемещение в иную зону обязательно оказывается передвижением вверх или вниз [7]. нижний мир как мир подводный, подземный является противоположностью верхнего мира и, соответственно, характеризуется недостаточно полно, понятно и в связи с этим многие ответы связаны с похоронно-погребальными обрядами и ритуалами. Также необходимо подчеркнуть, что в этот мир уходят после завершения земного пути.

Низ как воплощение подземного мира в традиционном мировоззрении кочевников является дихотомией верхнему миру. Многие ученые-номадологи, рассматривая три уровня космоса, связывают с нижним миром мир предков, мир аруахов. Это прослеживается и в мифологических концепциях как трехмерное измерение пространства.

Все три мира имели образное отражение в виде неких моделей, как и ранее мы отмечали: Мировая гора, Мировое дерево, Мировая река.

Мировое дерево, так же и как гора, выступает в роли сакрального места в обряде принесения клятвы у древних кочевников. Жизненное пространство кочевника организует дерево – сакральный центр кочевья, достигающее небес, корнями, уходящее в нижний мир духов. Мировое дерево помещается в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение. Как центр вселенной дерево выступает в обряде выбора хана у тюрков. При членении мирового дерева по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (крона) части. Они представляются как три зоны мироздания [8]. В генеалогическом преломлении в образе дерева представляется связь: предки – нынешнее поколение – потомки.

Одним из самых распространенных вариантов Мирового дерева является гора. Обычно эти две модели взаимно дополняют друг друга.

Поклонение горе, дереву показывает, что речь идет о сакральных объектах, наделенных высоким семиотическим статусом.

Поскольку гора является центром космоса, где совершился акт творения, люди сознательно привязывали к ней наиболее значимые в истории народа события.

У кочевников могло быть несколько священных гор. У горы Ордабасы, расположенной

на западе от Шымкента, согласно приведенным данным А.И. Левшиным, проходило избрание Абулхаира главным военачальником всего казахского ополчения [9]. Почитание гор древними кочевниками связано, прежде всего, с тем, что они, максимально приблизившись к верху, соприкасались с высшим, сакральным.

Модель мира, помимо вертикального трехчастного строения, имела и горизонтальную структуру. В частности, в традиции гуннов было принято маркировать стороны света различными цветами, например, конница у гуннов на восточной стороне имела серых лошадей, на западной – белых, на северной – вороных, на южных – рыжих [10].

Одним и важнейших обрядов, сопровождающих человека с момента его рождения и до смерти, является инициация как движение человека в пространстве времени или переход кочевника из одного статуса в другой. Обряд инициации, сопровождающий человека всю его жизнь, выступает некой сакральной цепью бесконечных перерождений человека: рождение, смерть и новое рождение. Рождение как переход из одного мира в другой: верхнего в средний, а смерть человека – переход из среднего в нижний [11]. Казахи как носители древней культуры кочевников сохранили отражение пространственно-временного феномена предков в современной лексике, и потому они никогда не скажут об умершем человеке, что он прекратил свое существование. Об умершем говорят: «дүние салды, бақиға көшті, қайтыс болды», что означает «перешел в иной мир, возвратился туда, откуда пришел, ушел в вечность». Порог как особое сакральное пространство было той границей, которая разделяет миры. Видимо, поэтому люди, близкие к иным мирам, занимали места у самого входа – босага [12]. Переход в иной мир маркируется датами 3, 7, 9, 40, 100 дней, 1 год со дня смерти. Интересно, что и те же даты возникают при переходе границы в наш мир, когда ребенок растет. И сегодня в нашем обществе присутствуют определенные похоронные обряды, связанные с указанными сакральными числами.

Поскольку процесс рождения представляется как переход в иной мир, сопутствующая ей родильная обрядность понимается так же, как сакральное действие, иницирующее переход. Так как такое действие связано с пересечением границы миров, то в нем неслучаен мотив порога, где, естественно, связываются пограничные статусы – старость и детство, отразившиеся и в ритуале рассаживания [13]. Обряд, оформ-

ляющий переход в новую жизнь, назывался «тұсаукесу», и он символизировал переход из состояния статичности к состоянию динамики, к тем первым шагам, которые делаются в этом мире. А сами обрядовые нити – белая и черная: как символы преграды и назидания, как диалектика жизни.

Существовал и другой обряд, связанный с ребенком, который только начинал ходить. Ребенка проводили под ногами старой женщины из рода канлы, что должно было обеспечить ему счастливую жизнь [14]. Вышеуказанный ырым-поверье как добрая примета-знак имеет место у казахов по сей день. У турков существовал обычай, когда новорожденного протаскивают сквозь отверстие в волчьей шкуре, в той части, где была пасть. Это свидетельство обычая оберега и открытия счастливой дороги. Необходимо отметить, что древние тюрки в качестве предка почитали волка. Тотем волка – символ поклонения, защиты, покоя.

Таким образом, вышеописанные обряды символизируют измерение пространства как перехода из одного мира в другой.

Во всех обрядах жизненного цикла присутствует процесс «одевания». Детали и оформление одежды невесты схожи с похоронными. В частности, лицо невесты закрывают, и это обязательный обряд-инициации. На пути невесты устраивают преграды. Только переступив порог нового дома, получив благословение старейшины, можно было открыть ее лицо, тем самым «оживив» невесту. После всего этого она окончательно переходит из одного мира в другой. И переход в иной мир связан с утратой прежнего состояния.

Обратимся к некоторым аспектам и объектам традиционной культуры тюрков, которые также могут быть вписаны в систему ценностей, сложившуюся в еще «мифологические» времена, где проявляются пространственно-временные представления. Прежде всего, это юрта и связанный с нею комплекс понятий.

О жилище-юрте древних кочевников написано очень много и в самых разнообразных аспектах: юрта как основа всей кочевой архитектуры (Даажаев, 1974; Пюрвеев, 1975), юрта как один из типов кочевого жилища, включая типологию юрт (Вайнштейн, 1976; Егоров, Жуковская, 1979), юрта как «семейная территория» и хозяйственная единица (Humphrey, 1974; Цэрэнханд, 1971), юрта как модель вселенной в представлении монгольского кочевника (Wasilewski, 1976) [15:14]. Основная идея вышеуказанных ученых

сводится к тому, что юрта – это модель вселенной, микромир кочевника; она ориентирована по сторонам света, имеет центральную ось, проходящую через очаг и дымовое отверстие; делится на семантические секторы: правый-левый, северный-южный, верхний-нижний, почетный-непочетный, мужской-женский.

Освоение и «одомашивание» (термин Леруа-Гурана) пространства и времени – «это прежде всего проблема семантического характера, – пишет А. К. Байбурун, – освоенное пространство – всегда систематизированное пространство, подвергнутое некоторой ценностной акцентировке... содержание, приписываемое освоенному пространству, и в частности дому, адекватно описывается с помощью таких категорий, как свое, близкое; принадлежащее человеку; связанное с понятием доли, судьбы; главное (сакральное); связанное с огнем очага и т.п.» [16: 19]. Все эти общие положения в равной степени могут быть отнесены и к тюркскому жилищу.

Сакрализация юрты осуществляется с помощью ряда предметов, размещение которых на положенном месте и точное исполнение относящихся к ним предписаний превращают юрту в освоенное пространство. Эти предметы следующие: очаг, дверь и порог, шанырак (дымовое отверстие), шест (багана), кереге.

Уже при установке юрты важным считается соблюдение правил ориентировки и размещения ее составных частей и хозяйственного инвентаря. На первый взгляд может показаться, что все вещи в кочевом хозяйстве должны быть на своем месте из соображений практической значимости и удобства. Но и с пространственно-семантической точки зрения, в соответствии с многовековой традицией, весьма важно разместить все на положенном месте, и, прежде всего, необходимо правильно соориентировать все предметы в пространстве.

Дверь тюркской юрты должна быть обращена на восток (монгольская на юг), чтобы противоположная часть юрты «тор» находилась на западной части.

Таким образом, по оси «восток-запад» идет деление юрты на две части: восточную – профанную, примыкающую к входу, заполненную хозяйственными вещами, и западную – сакральную, где находятся важнейшие для семьи предметы. Если же взять за разграничительную линию ось «запад-восток», которая пройдет через дверь и тор, то, встав спиной к западу, мы поделим юрту на две половины: южную – правую, мужскую и северную – левую, женскую [17: 17].

Соответственно, по оси «юг-север» она делится на сакральную половину, где размещают почетных гостей и профанную – возле входа.

В мужской половине юрты хранился охотничий и скотоводческий инвентарь, который имеет отношение к специфике мужского труда у кочевников. На женской половине – хозяйственная утварь. Это деление, конечно, не абсолютное, оно, скорее, традиционно предпочтительное. Таким образом, независимо от ориентации юрты правая ее сторона ассоциирована с мужской, и, соответственно, мужскими предметами и видами труда, левая – с женщиной и женскими видами труда. Интересно заметить, что и по сей день в семье имеются нерегламентированные обязанности мужчины и женщины, хотя, надо признать, что они тоже деформированы и иллюзорны.

Пространство юрты, как мы говорили выше, имеет несколько знаков-символов, с помощью которых оно осваивается, отгораживается от остального мира и которые выступают как сакральные обереги.

Прежде всего это сакральный очаг: символ обжитого дома, место обитания хозяйки огня – от ана. Очаг – это семантический центр юрты, который выступает как точка отсчета при организации ее пространства. Как отмечает исследователь С. Вайнштейн: «...напротив входа, в центре юрты находится очаг-семейный, хозяйственный и сакральный центр жилища» [18:83]. Это место, вокруг которого протекает вся жизнь семьи: рождение, детство, взросление, старость, смерть. Кроме того, очаг – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений. Эта идея передается с помощью материального предмета, а именно священного «шанырака». У казахов до настоящего времени шанырак – это семейная ценность, признак продолжения рода, символ родины и священного очага. Шанырак – это окно кочевника в звездное небо, символ мироздания, круговорота времени, связи земного и небесного, культа неба и солнца.

Следующий семантический значимый объект – дверь, и особенно порог. Порог и дверь непосредственно и конкретно указывают на разрыв в пространстве и в то же время они являются символами и средствами перехода. Дверь как граница отделяет юрту от окружающего неосвоенного пространства. Дверь – граница внешнего и внутреннего, освоенного и неосвоенного миров. Соответственно, пересечение этой границы как в ту, так и в другую сторону было

сопряжено с соблюдением ряда правил, которые вошли в тюркский этикет, имеющие этническую специфику и отражающие некоторые общечеловеческие ценности.

Порог как особое место оберегает добрых духов и благо внутри и препятствует проникновению зла извне. Именно на пороге делаются жертвоприношения божествам-хранителям. Прохождение через порог жилья сопровождается множеством обрядов: перед ним почтительно раскланиваются, до него благоговейно дотрагиваются рукой и т.д. На пороге запрещалось сидеть, стоять, прощаться и вести переговоры через него, особенно – на него наступать. Если сакральное табу нарушалось (XIII век), то оно каралась смертью [19:12].

Следующий пограничный объект – дымовое отверстие шанырак, через которое не только выходит дым, но и проникает свет, и оно также является сакральным местом. Чем чернее шанырак, тем священнее. Более того, для кочевников шанырак являлся символом-мостом обращения к Богу-Тенгри. А также они верили, что через шанырак духи-аруахи посещают родной очаг для защиты очищения земного пространства.

Следует отметить, что в представлении кочевника о вселенной и о том месте, которое он занимает, шанырак является неким центром, вокруг которого располагался весь остальной мир. Юрта – центральный круг, хозяйственное пространство вокруг нее – второй круг, а за нею – третий круг и т.д. Это достаточно диалектический принцип осмысления себя, своего жилья, своего места во вселенной, характерный для многих народов земного шара.

Круг как формообразующее начало является основой всяких представлений о пространстве в среде кочевников. В форме круга организуется общее пространство жизнеобеспечения социума: не только юрта, но и все жилое пространство вокруг него разворачивалось окружностями.

Итак, главной формой организации пространства у кочевников служит круг как наиболее стабильный элемент плоскостной модели вселенной.

Кочевник строит свои взаимоотношения не только с людьми, но и с пространством. Перемещение из одной точки пространства в другую, центром которого является он сам, естественным природным его состоянием выступает непрерывное движение. В зависимости от выбора кочевника началом и концом его пути может

служить любая точка пространства. Переход из одного пространства в другое всегда имеет значение движения вперед, в будущее время. Культуролог Мурат Ауезов в своем труде «Энкидиада: к проблеме единства миров кочевья и оседлости» резюмирует: «В арсенале понятия кочевника о связях с окружающим миром одно из главенствующих мест занимает понятие «дорога» [21]. Отсюда следует, что мотив дороги как путешествие в пространстве является основополагающим фактором развития и познания мира в целостности.

Таким образом, кочевники, особо почитая сакральность пространства, выражают благоговейное отношение к природе как к живому организму, передавая свой кочевой опыт от поколения к поколению.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что феномен пространства осваивался человеком везде и на протяжении всей его истории. И расширение глубинных знаний о мире в масштабах всего человечества отнюдь не мешало каждому конкретному этносу создавать свою модель мира с самого начала.

Литература

- 1 Культура кочевников на рубеже веков (19 в. – 21 в.): Проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995. – С. 103.
- 2 Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991. – С. 30.
- 3 Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б.З., Николаева Д.А. и др.: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. СО РАН. – М.: Вост. Лит., 208. – 341 с.
- 4 Уарзиати В.С., Галиев А.А. Символы и знаки великой степи (история культуры древних номадов). – Алматы, 2006. – 197 с.
- 5 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын, 1998. – Т. 1. – С. 50.
- 6 Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. – Алма-Ата, 1985. – С. 58.
- 7 Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1991. – С. 398.
- 8 Рабинович Е.Г. Земля // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1991. – С. 467.
- 9 Топоров В.Н. Древо Мировое. – С. 399.
- 10 Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. 3. Этнографические известия. – С. 76.
- 11 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын, 1998. – Т. 1. – С. 51.
- 12 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988. – С. 101.
- 13 Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество. – Новосибирск, 1989. – С. 215.
- 14 Тихонов Н.Х. Традиционное жилище алтайцев // Этнография народов Сибири. – Новосибирск, 1991. – С. 98.
- 15 Аргынбаев Х.А. Семья и брак у казахов. – Алма-Ата, 1971.
- 16 Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Изд. «Наука», 1988. – С. 198.
- 17 Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.
- 18 Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев. – Новосибирск, 1978.
- 19 Ванштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 206 с.
- 20 Джиовани дель Плано Карпини. История монгалов. Путешествие в восточные страны / ред., вступит. ст. и примеч. Н.П. Шастиной. – М., 1957.
- 21 Ауэзов М. Энкидиада: к проблеме единства миров кочевья и оседлости // Кочевники. Эстетика. – Алматы: Гылым, 1993.

References

- 1 Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (19 v. – 21 v.): Problemy genезisa i tansformacii. – Almaty, 1995. – S. 103.
- 2 Bajburin A.K. Ritual v sisteme znakovyh sredstv kul'tury // Jetnoznakovye funkcii kul'tury. – M., 1991. – S. 30.
- 3 Prostranstvo v tradicionnoj kul'ture mongol'skih narodov / Nanzatov B.Z., Nikolaeva D.A. i dr.: In-t mongolovedenija, buddologii i tibetologii. SO RAN. – M.: Vost. Lit., 208. – 341 s.
- 4 Uarziati V.S., Galiev A.A. Simvolj i znaki velikoj stepi (istorija kul'tury drevnih nomadov). – Almaty, 2006. – 197 s.
- 5 Bichurin N.Ja. Sbranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. – Almaty: Zhalyln, 1998. – T. 1. – S. 50.
- 6 Valihanov Ch.Ch. Sledy shamanstva u kirgizov // Sbranie sochinenij v pjati tomah. T. 4. – Alma-Ata, 1985. – S. 58.
- 7 Braginskaja N.V. Nebo // Mify narodov mira. T. 1. – M., 1991. – S. 398.
- 8 Rabinovich E.G. Zemlja // Mify narodov mira. T. 1. – M., 1991. – S. 467.
- 9 Toporov V.N. Drevo Mirovoe. – S. 399.

- 10 Levshin A. Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej. – SPb., 1832. – Ch. 3. Jetnograficheskie izvestija. – S. 76.
- 11 Bichurin N.Ja. Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. – Almaty: Zhaly, 1998. – T. 1. – S. 51.
- 12 Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremja. Veshhnyj mir. – Novosibirsk, 1988. – S. 101.
- 13 Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri. Chelovek i obshhestvo. – Novosibirsk, 1989. – S. 215.
- 14 Tihonov N.H. Tradicionnoe zhilishhe altajcev // Jetnografija narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1991. – S. 98.
- 15 Argybaev H.A. Sem'ja i brak u kazahov. – Alma-Ata, 1971.
- 16 Zhukovskaja N.L. Kategorii i simbolika tradicionnoj kul'tury mongolov. – M.: Izd. «Nauka», 1988. – S. 198.
- 17 Bajburin A.K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan. – L., 1983.
- 18 Toshhakova E.M. Tradicionnye cherty narodnoj kul'tury altajcev. – Novosibirsk, 1978.
- 19 Vanshtejn S.I. Mir kochevnikov centra Azii. – M.: Nauka, 1991. – 206 s.
- 20 Dzhiovani del' Plano Karpini. Istorija mongalov. Puteshestvie v vostochnye strany / red., vstupit. st. i primech. N.P. Shastinoy. – M., 1957.
- 21 Aujezov M. Jenkidiada: k probleme edinstva mirov kochev'ja i osedlosti // Kochevniki. Jestetika. – Almaty: Gylym, 1993.